

тебе препятствовать, если уже имеется согласие Освивра. Говорил ли ты что-нибудь Гудрун?

Болли отвечал, что он уже однажды говорил с ней об этом деле, но она не очень-то пошла ему навстречу.

– Я надеюсь, – сказал он, – что Освивр будет иметь первое слово в этом деле.

Олав сказал, чтобы он поступал так, как ему кажется лучше.

Вскоре после этого Болли отправился из дому, и с ним сыновья Олава, Халльдор и Стейнтор. Их было всего двенадцать человек. Они поехали в Лаугар. Освивр принял их хорошо, а также его сыновья. Болли сказал Освивру, что хочет с ним поговорить, и приступил к своему сватовству, и просил Освивра отдать ему в жены Гудрун, его дочь. Но Освивр отвечал следующее:

– Как ты знаешь, Болли, Гудрун – вдова, и сама распоряжается собой. Однако я поддержку твое сватовство.

Освивр пошел к Гудрун и сказал ей, что приехал Болли, сын Торлейка:

– Он сватается к тебе. Тебе решать в этом деле. Но если ты хочешь меня послушаться, мое желание, чтобы Болли не было отказано.

Гудрун отвечала:

– Быстро решаешь ты это дело. Болли однажды уже говорил об этом со мной, и я ему ответила полным отказом, и таково мое намерение и сейчас.

Тут Освивр сказал:

– Многие решат, что в тебе больше говорит гордость, нежели благоразумие, если ты откажешь такому человеку, как Болли. Но пока я жив, я должен нести заботу о вас, моих детях, по той причине, что я вижу дальше и яснее, чем вы.

И поскольку Освивр был так недоволен, Гудрун не осмелилась противиться ему и согласилась, хотя и с большой неохотой. Сыновья Освивра очень уговаривали ее. Родство с Болли казалось им очень выгодным. Долго ли коротко ли шла речь об этом деле, но в конце концов все договорились и состоялась помолвка, а свадьба была назначена на первые зимние ночи.³⁴ После этого Болли поехал домой, в Хьярдархольт, и рассказал Олаву о своей помолвке. Тот проявил мало радости по этому поводу. Болли оставался дома до тех пор, пока не настало время ехать на свадьбу. Он пригласил Олава, своего родича, но тот не спешил согласиться, однако все же приехал по просьбе Болли. Свадьбу праздновали в Лаугаре с большим великолепием. Болли оставался там в течение всей зимы. Совместная жизнь Болли с женой была не особенно счастлива по вине Гудрун.

И когда пришло лето, то корабли поплыли из одной страны в другую. Тут в Норвегию пришла весть из Исландии, что там все приняли христианство. Конунг Олав обрадовался этому и дал разрешение всем исландцам, которых он держал как заложников, ехать, куда они пожелают. Кьяртан ответил, – потому что он был первым среди всех людей, которых держали как заложников:

– Велика наша благодарность. Мы намереваемся этим летом посетить Исландию.

Тогда конунг Олав сказал:

– Я не возьму обратно свои слова, Кьяртан. Однако они были сказаны, пожалуй, другим людям, а не тебе, потому что, думается нам, Кьяртан, ты здесь скорее был гостем, чем заложником. Хотел бы я, чтобы ты не высказывал пожелания уехать в Исландию, хотя у тебя там есть знатные родичи, потому что от тебя зависит занять такое положение в Норвегии, какое не было бы возможным в Исландии.

Тут Кьяртан отвечал:

– Пусть господь воздаст вам за ту честь, которую вы мне оказывали с тех пор, как я нахожусь у вас на службе. Но все же я надеюсь, что вы дадите мне разрешение уехать, так же как и другим, которых вы здесь некоторое время задерживали.

Конунг сказал, что так это и будет, и добавил, что среди людей без высокого звания вряд ли найдется человек, равный Кьяртану.

Этой зимой Кальв, сын Асгейра, был в Норвегии. Еще предыдущей осенью он вернулся с запада, из Англии, на корабле своем и Кьяртана с вырубкой за товары, и после того, как Кьяртан получил разрешение на путешествие в Исландию, Кальв и Кьяртан начали готовиться к отплытию. И когда корабль был готов к отплытию, Кьяртан отправился к Ингибьярг, сестре конунга. Она хорошо приняла его и позволила ему сесть рядом с собой, и они повели беседу. Тут Кьяртан сказал Ингибьярг,

³⁴ *Первые зимние ночи* – три первые дня зимы. Время измерялось количеством ночей, а не дней, зим, а не лет.